

РУТУЛЬСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ: РЕАЛИЗАЦИОННЫЙ И ИНКРЕМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

К. В. Филатов
НИУ ВШЭ, Москва

Целью данного исследования является сравнение двух теоретико-морфологических подходов к описанию рутульского субстантивного склонения. Материалом исследования послужил список из 130 именных парадигм, собранных в ходе экспедиции в с. Кина Рутульского района Республики Дагестан в августе 2017 г.

Подавляющее большинство анализов, рассматривающих этот фрагмент рутульской грамматики, оперируют диахроническими данными, например [Махмудова 2002], [Алексеев 1985]. Отдельные грамматики воздерживаются от теоретического осмысления проблемы синхронного описания [Ибрагимов 1978] и [Alekseev 1994].

Пожалуй единственными попытками теоретической интерпретации рутульского субстантивного склонения являются работы А. Е. Кибрика: [Кибрик 1992, 2003], [Кибрик, Кодзасов 1990]. Однако все эти работы по своей идеологии относятся к ареальной типологии, и рутульские данные используются там фрагментарно.

Инкрементальные морфологические теории предполагают, что словоформы не имеют изначально того или иного грамматического значения и приобретают его путем присоединения аффиксов или применения морфологических правил, в то время как реализационные теории утверждают, что изначально присутствующие в архитектуре лексемы грамматические характеристики реализуются, получая определенное формальное выражение.

Теоретический фреймворк А. Е. Кибрика может быть определен как принадлежащий к множеству инкрементальных морфологических теорий. Использование подобного аппарата, как нам представляется, приводит к описательным проблемам с вычленимостью сегментов и определением вклада каждого из них в грамматическое значение словоформы.

Рутульское субстантивное склонение характеризуется большим количеством словоизменительных типов (см. Таблицу 1).

Применение реализационного подхода, по сравнению с инкрементальным позволяет решить в первую очередь проблему неясного морфологического статуса сегментов типа *-ma-*, *-š-*, *-b-* (во мн. ч); *-i-*, *-e-*, *-u-* и пр. (в ед. ч.), которые представляют собой переходное звено между морфонологическим наращением и морфемой, и которым в некоторых клетках парадигмы невозможно приписать никакого грамматического значения, а в некоторых — возможно.

Пользуясь формализмом теории парадигматических функций Г. Стампа (Paradigm Function Morphology, PFM) [Stump 2001], можно избежать постулирования незначимых показателей введением блока правил выбора основы. В то время как при инкрементальном анализе мы вынуждены были бы все же приписывать тому же показателю значение в определенной клетке парадигмы, например *xal-a* 'house-OBL[IN.ESS]', PFM позволяет интерпретировать это как неудачу в формальной реализации граммемы.

Кроме этого, интерпретация данных при помощи PFM разрешает также и другие проблемы:

Проблема множественного выражения (multiple exponence) ср., например, форму *lix-e-š-e* (house-DIR.PL-OBL.PL-ERG.PL), при инкрементальном анализе.

Постулирование морфологических нулей для форм номинатива множественного числа ср. анализ [Кибрик, Кодзасов 1990: 293]

Проблема добавочных правил для описания умляутизации во множественном числе некоторых лексем (например, *šu* 'брат', *riš* 'сестра')

Причиной подобного парадигматического устройства рутульского субстантивного словоизменения может являться процесс, в [Кибрик 2003] называемый фоссилизация, то есть массированная морфологизация показателей с утерей или размыванием их грамматического значения.

Таблица 1. Словоизменительные типы рутульского субстантива

	SG	PL	SG	PL
NOM	<i>xex</i> nose	<i>xexbir</i> nose:PL	<i>šu</i> brother	<i>šübe</i> brother:PL
OBL	<i>xexis</i> nose:DAT	<i>xeximis</i> nose:DAT:PL	<i>šus</i> brother:DAT	<i>šübešes</i> brother:DAT:PL
NOM	<i>juš</i> night	<i>jušbir</i> night:PL	<i>vil</i> foot	<i>vilabir</i> foot:PL
OBL	<i>jušes</i> night:DAT	<i>jušmis</i> night:DAT:PL	<i>vilira</i> foot:ERG	<i>vilabirmira</i> foot:ERG:PL
NOM	<i>bejni</i> brain	<i>bejnibir</i> brain:PL	<i>gunši</i> neighbour	<i>gunšijmar</i> neighbour:PL
OBL	<i>bejnijera</i> brain:ERG	<i>bejnijmira</i> brain:ERG:PL	<i>gunšijes</i> neighbour:DAT	<i>gunšijmašes</i> neighbour:DAT:PL
NOM	<i>sus</i> bride	<i>susmar</i> bride:PL	<i>t'ili</i> finger	<i>t'ilabir</i> finger:PL
OBL	<i>susikan</i> bride:COM	<i>susmašekan</i> bride:COM:PL	<i>t'ilijera</i> finger:ERG	<i>t'ilabara</i> finger:ERG:PL
NOM	<i>baluv</i> fish	<i>baluvmar</i> fish:PL	<i>riš</i> sister	<i>rišbe</i> sister:PL
OBL	<i>balvura</i> fish:ERG	<i>balvumaše</i> fish:ERG:PL	<i>rišera</i> sister:ERG	<i>rišbiše</i> sister:ERG:PL

Библиография

Alekseev 1994 — M. E. Alekseev. Rutul // R. Smeets (ed.) *Indigenous languages of the Caucasus*. New York: Caravan books, 1994.

Stump 2001 — G. T. Stump. *Inflectional Morphology. A theory of paradigm structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М.: Наука, 1985.

Ибрагимов 1978 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М.: Наука, 1978.

Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Принципы организации именной парадигмы в дагестанских языках (сопоставительно-типологические наблюдения) // *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: Издательство Московского университета, 1992. P. 80–99.

Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями // *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. P. 196–268.

Кибрик, Кодзасов 1990 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство Московского университета, 1990.

Махмудова 2002 — С. М. Махмудова. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка Дагестанский государственный университет, 2002.